

УДК 303.425.2-053.81

doi: 10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя

С. Б. Абрамова ✉

Н. Л. Антонова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)

✉ s.b.abramova@urfu.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время задачи формирования гражданской идентичности актуализируют проблематику цифрового гражданского участия и осмысления специфики онлайн-активизма как фактора и индикатора гражданской идентичности молодежи. Цель статьи – построение типологии моделей цифрового гражданского активизма и анализ наблюдательских моделей как механизма проявления гражданской идентичности.

Материалы и методы. Исследование строится на результатах опроса жителей Свердловской области в возрасте 14–25 лет ($n = 1\,150$). В объект включена учащаяся и работающая молодежь. Применение корреляционного анализа и расчета степенных средних показателей позволило определить связь моделей цифрового участия с проявлением гражданской идентичности.

Результаты исследования. Произведена типологизация на основании статуса вовлеченности, сконструированы три категории: наблюдатели, деятели, цифровые пассивисты. Молодежь включает наблюдательскую позицию в формы проявления гражданского цифрового активизма. Группа «наблюдателей» внутри является неоднородной и может быть дифференцирована по интенсивности использования цифровых практик. Определено, что несоответствие самоидентификации как наблюдателя и реальных практик цифрового гражданского участия создают внутренние противоречия в формировании гражданской идентичности.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило определить, что идентификация молодежью себя как «гражданских наблюдателей» является для них удобной моделью, позволяющей преодолеть противоречия идентичности и выполняющей ряд функций. Зафиксирована трансформация позиции «наблюдателя» в заинтересованного и легко переключающегося со стороннего наблюдателя на деятельного участника и обратно. Результаты могут быть использованы при разработке региональных молодежных проектов, реализации гражданских инициатив, в работе молодежных общественных организаций.

Ключевые слова: цифровое участие, гражданская идентичность, гражданская активность, городская молодежь, цифровой активизм, наблюдательская модель

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет совместного гранта Российского научного фонда и Правительства Свердловской области № 22-28-20265 (<https://rscf.ru/project/22-28-20265/>).

© Абрамова С. Б., Антонова Н. Л., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 2. С. 393–410. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

Original article

Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model

S. B. Abramova ✉, N. L. Antonova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)

✉ s.b.abramova@urfu.ru

Abstract

Introduction. At present, the tasks of forming civic identity actualize the issues of digital civic participation and understanding the specifics of online activism as a factor and indicator of youth civic identity. The purpose of the article is to build a typology of models of digital civic activism and analyze observational models as a mechanism for the manifestation of civic identity.

Materials and Methods. The study is based on the results of a survey of residents of the Sverdlovsk region aged 14–25 years ($n = 1\ 150$). The object includes students (schoolchildren, secondary vocational schools and higher educational institutions) and working youth. The use of correlation analysis and the calculation of power-law averages made it possible to determine the relationship between digital participation models and the manifestation of civic identity.

Results. A typology has been made based on the status of involvement, three categories have been constructed: observers, doers, digital passivists. Young people include an observer position in the forms of manifestation of civic digital activism. The group of “observers” inside is heterogeneous and can be differentiated by the intensity of the use of digital practices. It is determined that the discrepancy between self-identification as an observer and real practices of digital civic participation create internal contradictions in the formation of civic identity.

Discussion and Conclusion. The study made it possible to determine that young people’s identification of themselves as “citizen observer” is a convenient model for them, which allows them to overcome the contradictions of identity and performs a number of functions. The transformation of the position of an “observer” into an interested one and easily switching from an outside observer to an active participant and vice versa was recorded. The results can be used in the development of regional youth projects, the implementation of civil initiatives, in the work of youth public organizations.

Keywords: digital participation, civic identity, civic engagement, urban youth, digital activism, observer model

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The research was funded by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region No. 22-28-20265 (<https://rscf.ru/project/22-28-20265/>).

For citation: Abramova S.B., Antonova N.L. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):393–410. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

Введение. Социальная активность молодежи – это маркер утверждения ее гражданской идентичности [1]. Исследования демонстрируют, что гражданская идентичность является фактором и условием становления и развития практик социального активизма. Актуализация вопроса гражданской идентичности молодежи отражена в Указе Президента РФ о Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., где общероссийская гражданская идентичность определена как «осознание гражданами

Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества»¹.

Развитие информационно-коммуникационных технологий трансформирует практики активизма, цифровизация для молодого поколения сегодня становится базисом новых поведенческих действий и взаимодействий, формируя цифровые модели социальных связей и отношений. Цифровой активизм позволяет заявить гражданскую позицию через участие в политических, экономических и культурных процессах. При этом активизм может принимать различные формы: от «диванного голосования» до реальных практик в режиме офлайн. К. Моссбергер, К. Дж. Толберт и Р. С. МакНил вводят понятие цифрового гражданства как возможности участвовать в жизни общества через интернет, которая способствует социальной интеграции [2]. Авторы полагают, что использование интернета, особенно среди молодежи, является фактором становления цифрового гражданина через вовлечение в политическую жизнь общества. В фокусе нашего исследовательского внимания – модель наблюдателя в цифровом участии как индикатор гражданской идентичности молодежи.

Цель статьи – проанализировать наблюдательские модели цифрового гражданского участия как механизма проявления гражданской идентичности. Для реализации цели выдвигались следующие задачи: 1) построить типологию моделей цифрового гражданского участия и определить представленность выделенных категорий среди городской молодежи; 2) обозначить противоречия, порождаемые наблюдательскими моделями участия и установками гражданской идентичности на проявление социального активизма; 3) определить проявление гражданской идентичности на различных уровнях (семья, двор, город, страна) у представителей разных типов гражданского участия, в том числе «наблюдателей».

Обзор литературы. Гражданская идентичность – феномен, к которому последние десятилетия обращено внимание как управленцев-практиков, так и представителей академического сообщества. Следует отметить, что отсутствует его единое толкование в социогуманитарном дискурсе. В научных статьях широко тиражируется определение, предложенное А. Г. Асмоловым: гражданская идентичность – это «осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе»². Т. Водолажская подчеркивает значимость для индивида идентичности и ее над-индивидуальный характер, который становится признаком гражданской общности как коллективного субъекта [3]. И. Г. Белякова полагает, что личностный компонент «представляет собой важную составляющую гражданской идентичности», является условием «гармоничного восприятия общества» [4, с. 100]. П. А. Немков уточняет, что следует отделять гражданскую идентичность от

¹ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации № 1666 от 19 дек. 2012 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 20.11.2022).

² Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли : пособие для учителя / под ред. А. Г. Асмолова. М. : Просвещение, 2008. 151 с.

этнической или национальной, поскольку она связана с гражданственностью как ценностно-нравственным ориентиром, формирующим установку на активное участие в решении социальных проблем [5].

Исследователи включают в структуру гражданской идентичности когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий компоненты [6]. Понимая под гражданской идентичностью осознаваемую индивидом принадлежность к общности граждан, мы делаем акцент на изучении деятельностного (действия, нацеленные на порядок жизнеустройства) компонента и частично затрагиваем аффективный компонент (эмоциональное отношение к стране и чувство ответственности за территорию проживания). Соответственно, основу исследовательского поиска составит активистско-деятельностный подход³, который позволяет проинтерпретировать действия индивидов и групп как активных субъектов (акторов) социальных преобразований.

Социальный активизм как показатель гражданской идентичности связан с усвоением и распространением гражданских знаний, ценностей, установок и практик, участием в общественной жизни и деятельности государства [7]. При этом можно утверждать, что гражданская идентичность проходит испытание в цифровом пространстве. С одной стороны, она проявляется через онлайн-практики. Например, согласно исследованию С. Пан, участие в общественных движениях выступает площадкой для заявления идентичности и гражданственности [8]. С другой стороны, по утверждению Д. К. Каминченко, создаваемое в интернете сетевое коммуникативное пространство определяет специфику формируемой идентичности [9, с. 97].

В поле научных исследований отсутствует единое понимание цифрового участия. Так, ученые оперируют понятиями сетевой активизм [10], интернет-активизм [11], гибридный активизм [12] и др. При этом понятия используются как синонимичные, демонстрируя специфику коммуникаций, связей, отношений в интернет-пространстве. Н. А. Рябченко и Н. А. Гнедаш уточняют, что цифровой активизм реализуется через использование онлайн-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ, подкастов, видеохостингов «для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности посредством блогговолн»⁴. Коммуникационные связи в цифровой среде схожи со связями в физическом пространстве, а цифровые платформы выступают центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей [13, с. 87]. Например, сервисом для онлайн-петиций [Change.org](https://www.change.org) (зарегистрирован в Сан-Франциско, США) пользуются более 200 млн чел. из 196 стран⁵. Под цифровым участием в нашем исследовании будем понимать совокупность воспроизводимых действий и взаимодействий индивидов и групп,

³ Заславская Т. И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001. С. 3–15.

⁴ Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединенной конференции «Интернет и современное общество» IMS – 2016, Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г. СПб., 2016. С. 48–55.

⁵ Глобальная платформа для общественных кампаний – [Change.org](https://www.change.org) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.change.org/about> (дата обращения: 10.01.2023).

осуществляемых в интернете и нацеленных на становление и подтверждение гражданской идентичности.

Современные исследователи при обращении к цифровому участию предпринимают попытку типологизации практик активностей. Начиная с Л. Милбрата обязательным компонентом классификаций выступает учет уровня усилий гражданина и степени приверженности. Ставшая наиболее распространенной модель Д. Джорджа и Д. Лейднера включает три категории цифрового активизма: зрительский, транзитный и гладиаторский, которым соответствуют 10 видов активностей (кликтивизм, метаголосование, утверждение, электронное финансирование, защита прав потребителя, цифровые петиции, ботивизм, работа с данными, разоблачения и хактивизм) [14]. Весомый вклад в изучение молодого поколения и его активности в интернет-пространстве внесли российские ученые. Так, Е. В. Бродовская с коллегами провели масштабное исследование онлайн-практик молодежи, предложив типологию участников: идеалисты, прагматики, традиционалисты [15]. Проведя дискурс-анализ цифрового активизма и выделив техно-оптимистов и техно-пессимистов, О. А. Башева пришла к выводу, что гражданское участие сегодня проявляется скорее в коротких и акционных практиках, чем в длительных и высокорисковых [16].

В целом, современные исследователи отмечают высокий потенциал интернет-коммуникаций как мобилизационного ресурса гражданской активности, формирования солидаризированных практик, а также определения и проявления гражданской идентичности [17]. Одновременно с этим исследования фиксируют наличие группы наименее вовлеченных в цифровое участие молодых людей. Так, Е. И. Васильева с коллегами полагают, что имеются латентные формы гражданской активности, такие как обсуждение в социальных сетях, чтение информации о происходящем в городе на городских порталах и т. п. [18]. Это определяет акцентирование исследовательского интереса в данной статье на выделении наблюдательских практик цифровой партисипации, их функций и особенностей в проявлении гражданской идентичности. Считаем, что данное исследование позволит предложить научному сообществу эмпирически обоснованную модель наблюдателя в цифровой активности молодежи региона, которая маркирует гражданскую идентичность.

Материалы и методы. Основным методом исследования выступил опрос молодежи Свердловской области, проведенный в августе – сентябре 2022 г. Возрастные границы объекта составили 14–25 лет и определены рамками поколения Z: это поколение, которое родилось в период с 1995 по 2010 г., воспринимает цифровой мир как повседневность, выросло в окружении цифровых каналов и имеет доступ к большому количеству информации, чем любое другое поколение. Молодежь рассматривается как социальная группа с высоким творческим и гражданским потенциалом и способностью к социально-преобразующей деятельности.

Всего было опрошено 1 150 чел., использовалось сочетание онлайн-опроса и раздаточного анкетирования учащейся молодежи. Для построения выборочной совокупности был осуществлен квотный отбор по следующим категориям: пол, возраст, род занятости и тип населенного пункта. Среди опрошенных 43 % составили респонденты мужского пола, 57 % – женского пола. По роду занятости структура опрошенных представлена следующим образом: школьники

8–11 классов – 14 %, учащиеся учреждений начального профессионального образования (НПО) – 4 %, среднего профессионального образования (СПО) – 34 %, высших учебных заведений (ВО) – 38 %, работающая молодежь – 10 %. Среди работающей молодежи 32 % являются специалистами, 20 – фрилансерами, 15 – служащими, 15 – рабочими, 4 – занимают руководящие должности, 4 – имеют свой бизнес, 10 % – временно не работают. В опросе приняли участие представители молодежи Екатеринбурга (мегаполис, 61 %), больших и средних городов (10 %) и малых городов Свердловской области (29 %). Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

В ходе исследования авторы применяли общенаучные методы исследования и комплекс аналитических процедур, в том числе процедуры дескриптивного и многомерного статистического анализа с использованием пакета прикладных программ SPSS. С целью выявления тесноты взаимосвязи между исследуемыми величинами проводился корреляционный анализ с определением коэффициентов линейной корреляции (достоверные взаимосвязи между характеристиками описывались коэффициентом линейной корреляции r Пирсона при уровне значимости $p < 0,05$).

В качестве основы методики измерения цифрового участия молодежи использовалась типология Д. Джорджа и Д. Лейднера, в соответствии с которой в анкете был представлен список из 21 действия. Респонденты выбирали те действия, которые они совершали за последний год. На основании содержательных характеристик, а также количества используемых действий далее была построена типология цифрового участия. Для субъективной самооценки применялось два вида шкал: 1) 10-балльная для измерения вовлеченности в общественную жизнь региона (где 1 – совершенно не вовлечены, 10 – полностью вовлечены); 2) 3-балльная для оценки роли гражданских инициатив, себя как общественно активного человека, а также чувства ответственности за происходящее (где 1 – наименьшее проявление признака, 3 – наибольшая степень выраженности), что позволило произвести расчет средних показателей в разрезе различных выделенных типов гражданского участия.

Результаты исследования. Материалы нашего исследования свидетельствуют, что только 4 % в структуре опрошенных представляют самую активную часть молодежи – они использовали все виды активностей за последний год.

Большинство респондентов (79 %) предпочитали разные виды активности. Каждый десятый участник опроса за последний год не был включен ни в какие формы онлайн-активизма. Такая модель поведения чаще встречается у мужчин (15 %), чем у женщин (7 %) и уменьшается с возрастом: в младшей возрастной группе (14–17 лет) доля невключенных в цифровой активизм составляет 14 %, среди 23–25-летних – 5%. Онлайн-активизма меньше в средних и малых городах (16 % неучастников в сравнении с 8 % в Екатеринбурге).

69 % респондентов считают, что для них характерна позиция наблюдателя, им свойственно стремление быть в курсе события в сочетании с отсутствием выраженной фактической вовлеченности в цифровое участие. На основании теоретического осмысления концепта цифрового активизма, а также прикладного исследования практик молодежи Свердловской области в сфере гражданской онлайн-активности и выделения позиции наблюдателя как присущей значимой

части молодых горожан была модифицирована типологизация данных практик. Мы считаем необходимым при построении структуры молодежного сообщества по критерию цифрового активизма использовать следующие категории в соответствии со статусом участия/вовлеченности в цифровые практики:

1) неучастники цифровых форм гражданской активности – «цифровые пассивисты». В эту подгруппу включены респонденты, которые за последний год не использовали никаких онлайн-форм гражданского активизма (отметим, что это не исключает возможности их участия в офлайн-вариантах гражданской активности). Термин «пассивизм» входит в научный социологический оборот [19] для обозначения категорий граждан с наименьшей степенью участия в тех или иных видах активностей и подчеркивает наличие установки на целесообразность пассивности;

2) самоопределяющие себя как предпочитающие наблюдательскую позицию – «наблюдатели». В анкете предлагалось утверждение «предпочитаю преимущественно наблюдать за событиями, быть в курсе», и в эту категорию включены все респонденты, согласившиеся с данным утверждением как соответствующим их модели цифрового участия;

3) использовавшие за последний год какие-либо формы цифрового участия и при этом не выбравшие для себя позицию наблюдателя – «деятели». В последующем анализе «наблюдатели» определены нами в качестве центральной категории в соответствии с ключевой целью исследования. «Наблюдатели» имеют соответствующую базовую установку: «быть в стороне» допустимо и роль стороннего наблюдателя ими принимается.

Однако фактически такой взгляд на себя не всегда соответствует реальности, и уровень их вовлечения может быть достаточно высоким. Только 5 % опрошенной молодежи (8 % от всех наблюдателей) отнесены к «чистым наблюдателям», которые не предпринимают никаких действий в рамках цифрового участия и занимают позицию заинтересованного неучастия; соответственно 92 % в данной подгруппе фактически осуществляют практики активизма. Следовательно, группа «наблюдателей» внутри является неоднородной и может быть дифференцирована на три подгруппы: чистые наблюдатели, наблюдатели с низкой активностью и наблюдатели с высокой активностью (табл. 1).

Таблица 1. Матрица типологии цифрового участия молодежи, %⁶

Table 1. Typology matrix of youth digital participation, %

Статус цифрового участия / Status of digital participation	Использование практик цифрового активизма / Using digital activism practices		
	Без реальных практик активности / No real activity practices	С низкой активностью / With low activity	С высокой активностью / With high activity
Цифровые пассивисты / Digital passivists	10,5	–	–
Наблюдатели / Observers	5,1	19,8	43,6
Деятели / Doers	–	15,5	5,5

⁶Здесь и далее в статье все таблицы составлены авторами.

5,1 % опрошенной молодежи, «чистые наблюдатели», сами определяют себя в качестве заинтересованного, но полностью стороннего наблюдателя. Им важно знать происходящие события, при этом они не включаются в практики цифрового участия. Доля этой категории уменьшается с возрастом (к 23–25 годам снижается до 0,8 %), не зависит от размера города проживания, чуть выше у мужчин.

19,8 % городской молодежи могут считаться наблюдателями с низкой гражданской онлайн-активностью – позиционируют себя в качестве предпочитающих стороннее наблюдение, но при этом совершали 1–3 вида действий за последний год. Большинство из них использовали практики в рамках модели цифровых зрителей в типологии Д. Джорджа и Д. Лейднера (67 % – кликтивизм, 39 % – метаголосование, 15 % – утверждение), но есть и транзитивные действия (33 % – защита прав потребителей, 9 % – пожертвования) и даже гладиаторские примеры (18 % – активизм данных). Таких участников больше среди 18–22-летних (22 %), женщин (22 %), учащихся школ и вузов (25 %).

Обращаясь к группе респондентов с высокой цифровой активностью, определяющих себя как наблюдатели (43,6 %), отметим, что за последний год они использовали 4 и более видов участия. Практически все в этой подгруппе использовали кликтивизм (98 %) и метаголосование (89 %), а показатели транзитивных и гладиаторских практик достигают 60 %. Соответственно, их самоопределение в качестве наблюдателей может рассматриваться как дополнительная, а не ведущая модель, которая выступает одновременно условием для дальнейшего проявления активизма (получение информации, понимание ключевых трендов общественной жизни, выбор наиболее интересных проектов из информационного потока и т. д.) и как возможность для «выключенности» (отдыха, паузы, перерыва между активностями). Доля таких молодых граждан увеличивается с 34 % в возрастной группе 14–17 лет до 48 % среди 18–22-летних и до 65 % в 23–25 лет, их больше в мегаполисе и крупных городах (50 %).

Корреляционный анализ данных построенных типов гражданского участия молодежи с различными характеристиками показывает, что тип имеет значимую связь и с социально-демографическими параметрами опрошенных, и с оценкой своей гражданской активности, и с чувством гражданской идентичности.

Т а б л и ц а 2. Корреляция типов гражданского участия молодежи с социально-демографическими и содержательными переменными

Table 2. Correlation of types of youth civic participation with socio-demographic and content variables

Показатель / Indicator	Значимость связи / Significance of connection
1	2
<i>Социально-демографические характеристики респондентов / Socio-demographic characteristics of respondents</i>	
Пол / Gender	-0,136**
Возраст / Age	-0,090**
Род занятости / Type of employment	-0,078**
Тип населенного пункта / Locality type	0,173**

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2
<i>Оценка гражданской активности / Assessment of civic engagement</i>	
Самооценка степени вовлеченности в общественную жизнь региона / Self-assessment of the degree of involvement in the public life of the region	0,082**
Оценка времени в месяц, достаточного на участие в гражданских проектах, чтобы считать себя активным гражданином / Estimate of time per month sufficient to participate in civic projects to consider yourself an active citizen	-0,065*
Оценка роли инициативы граждан в жизни России / Assessment of the role of citizens' initiative in the life of Russia	-0,065*
Оценка себя как общественно активного человека / Evaluation of oneself as a socially active person	0,040
<i>Чувство ответственности за то, что происходит / A sense of responsibility for what is happening:</i>	
в семье / in family	0,016
на работе / учебе / at work / study	-0,067*
в доме, во дворе / in the house, in the yard	0,125**
в городе / in the town	0,073*
в стране / in the country	0,049

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.01 level (two-tailed).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя) / Correlation is significant at the 0.05 level (two-tailed).

Зафиксированное несовпадение самоидентификации как наблюдателя и реальных практик цифрового гражданского участия неизбежно должно создавать ряд внутренних противоречий в формировании гражданской идентичности и, как следствие, ее изучении.

Во-первых, самоопределение своего статуса основано на сопоставлении, с одной стороны, представления об ожидаемом, социально-одобряемом минимальном уровне активности, начиная с которого можно считать себя активным гражданином, а с другой – своих реально затрачиваемых ресурсов на цифровое участие. Эти показатели замерялись через самооценку степени вовлеченности в общественную жизнь региона и оценку времени, которое необходимо затрачивать на общественные проекты, чтобы считать себя активным гражданином (в часах в месяц).

Показатели (табл. 3) демонстрируют связь представленных типов гражданского участия молодежи с уровнем самооценки вовлеченности, когда наименьшее значение (2,97 балла из 10 возможных) поставили себе «чистые наблюдатели», а наибольшее (5,68 балла) – «высоко активные деятели» (связь значима на уровне 0,01 (табл. 2)). Однако особенно интересен здесь показатель нормативного времени: именно у самых вовлеченных активистов он значительно ниже, их высокая самооценка включенности базируется не только на фактическом участии, но и более низкой ожидаемой норме. Следовательно, определение своего статуса как «наблюдателя» может быть связано со сформированными у молодежи завышенными критериями оценки уровня гражданской активности, завышенными ожиданиями со стороны общества (частоты их участия, интенсивности включенности, количества поддерживаемых проектов и т. д.).

Таблица 3. Самооценка молодежью степени своей вовлеченности в общественную жизнь региона и времени, которое достаточно уделять гражданским проектам, чтобы считать себя активным гражданином

Table 3. Young people's self-assessment of the degree of their involvement in the public life of the region and the time that is enough to devote to civic projects in order to consider themselves an active citizen

Показатель / Indicator	Самооценка степени вовлеченности в общественную жизнь региона (среднее значение*) / Self-assessment of the degree of involvement in the public life of the region (average value*)	Оценка времени на участие в гражданских проектах, достаточного, чтобы считать себя активным гражданином (час/месяц) / Estimated time to participate in civic projects, enough to consider yourself an active citizen (hour/month)
Наблюдатели / Observers	4,32	29,10
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,97	23,43
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	3,29	29,89
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	4,95	29,37
Деятели / Doers	4,66	24,07
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	4,30	27,63
Деятели с высокой активностью / High activity doers	5,68	12,96
Цифровые пассивисты / Digital passivists	3,57	20,55

* Среднее значение может изменяться от 1 до 10, где 1 – совершенно не вовлечены, 10 – полностью вовлечены / Average values can vary from 1 to 10, where 1 is not involved at all, 10 is involved entirely.

Во-вторых, самоопределение статуса наблюдателя связано с готовностью/неготовностью (желанием или нежеланием) быть активно вовлеченным в гражданскую активность. Это создает удобство данной позиции как средней между полным отсутствием интереса к общественной жизни и сильной вовлеченностью в гражданские инициативы. В структуре молодого населения всегда выделяются подгруппы незаинтересованных в собственном участии [20], сомневающих в соответствии своих личных качеств данному виду деятельности.

Представители всех типов практически в равной степени (табл. 4) признают роль гражданских инициатив в современной России и считают ее скорее значимой (кроме цифровых пассивистов, где показатель ближе к незначительной роли); т. е. в восприятии всех категорий молодежи активизм является важной составляющей жизни страны (связь с типом активизма слабая (табл. 2)). Однако себя считают скорее активным человеком только представители типов «наблюдатель с высокой активностью» и «пассивист», остальные не рассматривают инициативность как свое ведущее качество. По всем типам самооценка

инициативности ниже оценки значимости гражданской инициативы в обществе. Для таких людей признание значимости активизма и неготовность самому в нем участвовать может вызывать внутренний дискомфорт, что приводит к формированию соответствующей наблюдательской позиции.

Таблица 4. Оценка молодежью роли гражданских инициатив в современной России и себя как активного человека

Table 4. Young people's assessment of the role of civic initiatives in modern Russia and of themselves as an active person

Показатель / Indicator	Оценка роли инициативы граждан в современной России (среднее значение*) / Assessing the role of citizens' initiatives in modern Russia (average value*)	Оценка себя как общественно активного человека (индекс**) / Assessment of oneself as a socially active person (index**)
Наблюдатели / Observers	2,34	1,82
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,29	1,49
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	2,31	1,64
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	2,36	1,94
Деятели / Doers	2,36	1,89
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	2,36	1,85
Деятели с высокой активностью / High activity doers	2,35	2,00
Цифровые пассивисты / Digital passivists	2,09	1,59

* Средние значения могут изменяться от 1 до 3, где 1 – не играют никакой роли, 3 – имеют значительную роль / Average values can vary from 1 to 3, where 1 is – do not play any role, 3 – have a significant role.

** Индекс может изменяться от 1 до 3, где 1 – безусловно не считают себя общественно активным человеком, 3 – точно считают / The index can vary from 1 to 3, where 1 – they definitely do not consider themselves as a socially active person, 3 – definitely consider themselves.

В-третьих, статус в типологии участия (наблюдатель, деятель, цифровой пассивист) необходимо рассматривать непосредственно в контексте гражданской идентичности. В рамках исследования гражданская идентичность замечалась через чувство ответственности за происходящее на различном уровне окружения (семья, работа/учеба, двор, город, страна) и оценку возможности повлиять на общественную жизнь своего города.

Корреляционный анализ (табл. 2) показывает, что у рассматриваемых типов активизма значимая связь с чувством ответственности на уровне дома/двора, менее значимая – на уровне работы и города, и отсутствует влияние этих переменных друг на друга на уровне семьи и страны. Во всех выделенных типах гражданская идентичность изменяется в зависимости от уровня окружения следующим образом: на уровне семьи демонстрируется наивысший показатель чувства ответственности, к уровню города и страны он снижается. Однако развитие этого тренда внутри типов несколько отличается (табл. 5).

Таблица 5. Чувство ответственности за происходящее в окружении (средние показатели)*
 Table 5. Feeling of responsibility for what is happening in the environment (average values)*

Показатель / Indicator	Уровень идентичности: ответственность за происходящее / Identity level: responsibility for what is happening				
	В семье / In family	На работе/ учебе / At work / school	В доме, во дворе / In the house, in the yard	В го- роде / In the town	В стра- не / In the country
Наблюдатели / Observers	2,71	2,71	2,03	1,88	1,94
Чистые наблюдатели / Pure observers	2,55	2,64	2,00	1,84	1,87
Наблюдатели с низкой активностью / Observers with low activity	2,74	2,70	1,93	1,70	1,75
Наблюдатели с высокой активностью / Observers with high activity	2,71	2,72	2,08	1,96	2,02
Деятели / Doers	2,68	2,71	2,27	1,99	2,00
Деятели с низкой активностью / Doers with low activity	2,71	2,72	2,26	1,94	1,96
Деятели с высокой активностью / High activity doers	2,59	2,68	2,30	2,11	2,11
Цифровые пассивисты / Digital passivists	2,75	2,56	2,20	1,87	1,88

* Средние показатели могут принимать значение от 1 до 3, где 1 – не чувствуют ответственность, 3 – ощущают ответственность в значительной мере / Average indicators can take a value from 1 to 3, where 1 – do not feel responsible, 3 – feel responsible to a large extent.

За события в городе наибольшую ответственность проявляют «деятели», они же лидируют по остальным уровням, кроме семьи. Показатели «чистых наблюдателей» и «пассивистов» в аспекте ответственности за город более низкие и сходные, что указывает на близость этих типов по выраженности гражданской идентичности. Интересно, что «наблюдатели с низкой активностью» демонстрируют самую низкую идентичность по всем аспектам, кроме семьи, что может косвенно подтверждать довольно формальный и даже демонстративный характер их активизма. Для «наблюдателей» также характерно более сильное чувство ответственности за происходящее в стране (1,94), чем в городе (1,88), и самый низкий показатель в сравнении с другими типами идентичности на уровне двора (2,03). Это может быть связано с более активным присутствием в повестке дня интернет-СМИ федеральных новостей, событий, проектов, что как раз демонстрирует их «оторванность» от реальных практик «местного патриотизма» [21] и включенность в онлайн-отслеживание как основную модель реализации гражданской позиции.

Обсуждение и заключение. Л. М. Дробижева, говоря о государственной идентичности, утверждает: в частной жизни человек живет своими повседневными заботами, но это не ослабляет его связь с обществом, с государством, и эта связь в той или иной мере проявляется в его идентичности [22, с. 494]. Мы бы добавим к этому, что не только повседневные заботы волнуют молодое

поколение, но и стремление знать и участвовать в решении социально-значимых проблем, в том числе посредством онлайн-технологий.

Молодежь, регулярно наблюдающая за информационными потоками и реакцией социума на отдельные события и интернет-публикации, включает такую наблюдательскую позицию в формы проявления гражданского цифрового участия. В условиях развития цифровой коммуникации и сетевых платформ значимую роль в исходе публичных дискуссий и реализации гражданских инициатив играет наблюдающая аудитория. В нашем понимании само значение этой категории претерпевает изменения: для большинства опрошенных это не просто позиция стороннего невключенного наблюдения, а деятельное сопереживание, в том числе выбор и определение интересных направлений, демонстрация своего отношения, и вместе с тем готовность в любой момент как включиться в реальные практики поддержки и гражданского участия, так и выйти из них.

Специфика организации гражданских действий в социальных медиа видится через формирование активного ядра сетевого сообщества, которое выступает инициатором необходимой информации, запускает и контролирует создание контента, а также периферии, которая окружает ядро в виде слоев и групп по степени вовлеченности [23]. Наблюдатели традиционно рассматривались в качестве наиболее пассивной части периферии. Так, Р. В. Парма определяет эту модель как «пассивное отслеживание информации» [24, с. 162]. На наш взгляд, наблюдатели перестают быть «чистым типом» и имеют сложную внутреннюю структуру, 92 % из них сочетают наблюдение с другими формами участия. Охватывая 68 % молодых граждан, позиция наблюдателя способна встраиваться в любые модели участия, брать на себя доминирующее или подчиненное значение, активизироваться и затухать в различных обстоятельствах. С одной стороны, определяя себя как наблюдателей, фактически большинство из этой группы достаточно активно используют различные формы цифрового участия, с другой – их самооценка уровня гражданской активности и гражданской идентичности сопоставима с участниками-деятелями.

Мы делаем вывод, что идентификация молодежью себя как «гражданских наблюдателей» является для них удобной моделью, позволяющей преодолеть противоречия и выполняющей несколько функций: 1) использование доступных, приемлемых, удобных по форме и интенсивности практик гражданского цифрового участия для демонстрации (как формальной, так и заинтересованной) своей гражданской идентичности; 2) снятие противоречия между социальными ожиданиями (призывами, обращениями к гражданственности) и фактическим уровнем их цифрового активизма; 3) обеспечение возможности обоснования перерывов, отдыха, неучастия через заинтересованное наблюдение; 4) включение в актуальные процессы федерального значения (формирование гражданской идентичности на уровне страны), которые не имеют иных форм участия; 5) формирование делиберативного общественного мнения, основанного на дискурсе и достижении общественно значимых целей через решение конкретных задач; 6) создание личной модели цифрового гражданского активизма, опосредованной как персонализированным контентом, так

и персонализированными цифровыми действиями; 7) побуждение организаторов проектов и участников дискуссий не только на выбор наиболее выверенных аргументов и задач, но и поиск более емких, зрелищных, мотивирующих приемов.

Отсюда выделение категории «наблюдателей» в ходе данного исследования выступает методическим приемом, позволившим показать трансформацию самого явления и, как следствие, научных представлений о нем. Предполагается, что гражданская идентичность, связывающая личность с сообществами вне цифровой среды, реализуется в цифровой партисипации как в традиционных формах (через приемы, мотивирующие к участию), так и в новых форматах (через оперативность взаимосвязи и площадки для обсуждения). Определяя основные задачи е-мобилизации, исследователи цифрового участия указывают на ведущее значение повышения осведомленности [25], тем самым определяя работу с информацией и наблюдательскую позицию как ключевую характеристику цифровых технологий в развитии гражданственности.

Проведенное нами исследование имеет ограничения. Поскольку в выборку были включены только жители городов одного региона (Свердловской области), результаты данного опроса не могут быть распространены на всю совокупность российской молодежи. Кроме того, гражданская идентичность и активизм как способ ее проявления определяется, наряду с прочими факторами, объективными процессами, происходящими в стране и регионе в период проведения исследования. Ситуация 2022 г. воспринимается как крайне неоднозначная, поставившая принципиально новые вызовы для каждого человека, что определяет модели поведения, расстановку приоритетов и пр. Специфичность ситуации 2022 г. определяет и тренды в идентичности. По данным ВЦИОМ, в сравнении с 2021 г. доля тех, кто чувствует сплоченность российского общества, ощутимо возросла (с 31 % до 56 %)⁷.

Перспективными направлениями дальнейшего изучения проблематики гражданской идентичности и цифрового участия молодежи можно считать изучение онлайн-сообществ и общественных движений как драйверов формирования актуальной политической и неполитической повестки и источника мобилизации ресурсов; анализ сетевой сплоченности и сетевой солидарности как факторов коллективных действий и цифровой активности; исследование лидеров мнений и их роли в продвижении цифрового активизма. Также перспективы расширения исследовательских возможностей изучения цифровой активности молодежи видятся в использовании гибридной (комплексной) эмпирической стратегии, предполагающей анализ цифровых следов с помощью технологий сбора больших данных, сервисов мониторинга социальных медиа, анализа социальных сетей с использованием графов, сентиментального (эмоционального) анализа текстов на основании библиотек Python и др.

⁷ Народное единство на фоне специальной военной операции [Электронный ресурс]. ВЦИОМ : сайт. 3 нояб. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-na-fone-specialnoi-voennoi-operacii> (дата обращения: 10.01.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Магранов А. С., Деточенко Л. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 108–116. <https://doi.org/10.31857/S013216250000766-5>
2. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA : MIT Press, 2007. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7428.001.0001>
3. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43–44). С. 140–142. EDN: VZZOQD
4. Белякова И. Г. Формирование гражданской идентичности в образовательной среде глобализирующегося пространства // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 98–105. EDN: YTNWMJ
5. Немков П. А. Формирование гражданской идентичности учащихся в рамках российского движения школьников // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 121–134. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-121-134>
6. Сафин Н. В. Гражданская идентичность подростка как педагогическая проблема // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (18). С. 274–281. URL: <http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/Safin2-18.html> (дата обращения: 09.01.2023).
7. Khoronko L., Tskvitariya T., Akhanov I. Cadets' Axiological Basics of Formation of Civil Identity // Innovative Technologies in Science and Education. 2020. Vol. 210. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202021019006>
8. Pan S. Identity, Civic Engagement, and Learning about Citizenship: University Students' Experiences in Hong Kong // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2019. Vol. 51, issue 4. Pp. 945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
9. Каминченко Д. К. Отражение сетевизации идентичности в политическом процессе: на пример движения «желтых жилетов» во Франции // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 3. С. 96–106. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-96-106>
10. Tufekci Z. “Not This One”: Social Movements, the Attention Economy, and Microcelebrity Networked Activism // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, issue 7. Pp. 848–870. <https://doi.org/10.1177/0002764213479369>
11. Брюханова А. А. Политический интернет-активизм: теоретический обзор основных форм и моделей исследования // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 15, № 4. С. 121–130. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-121-130>
12. Treré E. Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms. London : Routledge, 2019. 222 p. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>
13. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
14. Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19, № 3. С. 376–408. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>
15. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи / Е. В. Бродовская [и др.] // Политическая наука. 2019. № 2. С. 180–197. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-i-politicheskie-onlai-n-praktiki-v-otsenka-h-rossii-skoi-molodezhi-2018> (дата обращения: 09.01.2023).
16. Башева О. А. Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 1. С. 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
17. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // TripleC. 2017. Vol. 15, issue 2. Pp. 477–489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>
18. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Исследование современных социальных и политических альтернативных форм гражданской активности молодежи // Вестник

Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 56–64. <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.005>

19. Домбровская А. Ю., Синяков А. В. Потенциал оппозиционности гражданского участия россиян: результаты кластерного анализа // Политическая наука. 2021. № 3. С. 142–160. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>

20. Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Гурарий А. Д. Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 1. С. 243–257. <http://www.doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13>

21. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации / В. П. Воробьев [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 470–491. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>

22. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>

23. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Цифровые инфраструктуры гражданско-политического активизма: актуальные вызовы, риски и ограничения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>

24. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>

25. Гудошникова О. Е. Технологии «новых медиа» как платформа гражданской активности // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18442> (дата обращения: 21.11.2022).

Поступила 24.11.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

Об авторах:

Абрамова Софья Борисовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, s.b.abramova@urfu.ru

Антонова Наталья Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620083, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru

Заявленный вклад авторов:

С. Б. Абрамова – методология исследования; проведение исследования; обработка данных; анализ и интерпретация результатов исследования.

Н. Л. Антонова – концепция статьи; теоретическое содержание статьи; анализ и интерпретация результатов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Magranov A.S., Detochenko L.S. Civil Identity of Modern Students: Features and Factors of Transformation. *Sociological Studies*. 2018;(8):108–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250000766-5>

2. Mossberger K., Tolbert C.J., McNeal R.S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge, MA: MIT Press; 2007. <https://doi.org/10.7551/mitpress/7428.001.0001>

3. Vodolazhskaya T. [Civil Identity]. *Educational Policy*. 2010;(5-6):140–142. (In Russ.) EDN: VZZOQD
4. Belyakova I.G. Formation of Civil Identity in Educational Environment of the Globalizing World. *Culture and Arts Herald*. 2017;(2):98–105. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YTNWMJ
5. Nemkov P.A. The Formation of Students' Civil Identity as Part of Russian Student Movement's Activity. *Social and Political Research*. 2020;(4):121–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-121-134>
6. Safin N.V. Teenager Civil Identity as a Pedagogical Problem. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2016;(2):274–281. Available at: <http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/Safin2-18.html> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Khoronko L., Tskvitariya T., Akhanov I. Cadets' Axiological Basics of Formation of Civil Identity. *Innovative Technologies in Science and Education*. 2020;210. <https://doi.org/10.1051/e3s-conf/202021019006>
8. Pan S. Identity, Civic Engagement, and Learning about Citizenship: University Students' Experiences in Hong Kong. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2019;51(4):945–964. <https://doi.org/10.1080/03057925.2019.1687286>
9. Kaminchenko D.K. Reflection of the Networkization of Identity in the Political Process: The Example of the “Yellow Vests” Movement in France. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2020;14(3):96–106. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-96-106>
10. Tufekci Z. “Not This One”: Social Movements, the Attention Economy, and Microcelebrity Networked Activism. *American Behavioral Scientist*. 2013;57(7):848–870. <https://doi.org/10.1177/0002764213479369>
11. Bryukhanov A.A. Digital Activism: Forms and Theoretical Approaches. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;15(4):121–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-121-130>
12. Treré E. Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms. London: Routledge; 2019. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>
13. Akhremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Network vs Message in Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives. *Polis. Political Studies*. 2020;(2):73–91. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
14. Ermolaeva P., Ermolaeva Y., Basheva O. Digital Environmental Activism as the New Form of Environmental Participation. *The Russian Sociological Review*. 2020;19(3):376–408. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-376-408>
15. Brodovskaya Ye.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A. Civil and Political Online Practices in the Evaluations of Russian Youth. *Political Science*. 2019;(2):180–197. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskie-i-politicheskie-onlai-n-praktiki-v-otsenkah-rossii-skoi-molodezhi-2018> (accessed 09.01.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Basheva O.A. Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization. *Research Result. Sociology and Management*. 2020;6(1):41–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
17. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism. *TripleC*. 2017;15(2):477–489. <https://doi.org/10.31269/triplec.v15i2.773>
18. Vasilyeva E.I., Zerchaninova T.E., Nikitina A.S. Research of Modern Social and Political Alternative Forms of Youth Civic Engagement. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2020;(5):56–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2020.68.5.005>
19. Dombrovskaya A.Yu., Sinyakov A.V. Opposition Potential of Russians' Civil Participation: Results of the Cluster Analysis. *Political Science*. 2021;(3):142–160. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.06>
20. Antonova N.L., Abramova S.B., Gurarii A.D. Classification of Non-Political Participation Practices of Urban Youth: Forms, Motivation, Barriers. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(1):243–257. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.doi.org/10.15838/esc.2022.1.79.13>

21. Vorobev V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):470–491. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>

22. Drobizheva L.M. The Meanings of All-Russian Civic Identity in Russian Mass Consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2020;(4):480–498. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>

23. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(6):97–118. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014>

24. Parma R.V. Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(6):145–170. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>

25. Gudoshnikova O.E. Technologies of “New Media” as a Platform for Civic Engagement. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(1-1). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18442> (accessed 21.11.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 24.11.2022; revised 01.02.2023; accepted 10.02.2023.

About the authors:

Sofya B. Abramova, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mir St., Yekaterinburg 620083, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4010-8406>, s.b.abramova@urfu.ru

Natalya L. Antonova, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Department of Applied Sociology, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mir St., Yekaterinburg 620083, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru

Contribution of the authors:

S. B. Abramova – research methods; conducting research; data processing; research results analysis and interpretation.

N. L. Antonova – concept of the article; theoretical content of the article; research results analysis and interpretation.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.